

Б. Ц. Гомбоев

**ПОЧИТАНИЕ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ
В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЫ
В ПОЛИЭТНИЧНЫХ УСЛОВИЯХ***

Изучение религиозных верований современного населения в Байкальском регионе имеет существенное значение для понимания особенностей формирования провинциальной российской ментальности. В этом плане Баргузинская долина представляет весьма интересный материал для исследователя, так как этнические, этнокультурные и этноконфессиональные взаимовлияния переплелись здесь в неразрывном единстве.

Баргузинская долина издавна привлекала внимание исследователей и путешественников. В этой долине побывали С.П. Крашенинников и А. Иванов (1735–1736 гг.), П.С. Паллас (1768–1778 гг.), И.Г. Георги (1772 г.), И. Бичурин (начало XIX в.) и др.¹

На территории Баргузинской долины, куда входят Курумканский и Баргузинский районы Республики Бурятия (далее – РБ), есть множество культовых мест**, почитание которых осуществляется проживающими в сельских местностях родовыми подразделениями бурят, эвенков, а также другими этническими группами – русскими, татарами и др. Хотя к подобным объектам исследователи проявляли интерес еще с конца XIX в., специальное изучение их, в частности, возле русских сел, до сих пор не проводилось.

Этапы формирования населения и его традиционные религиозные верования в Баргузинской долине отражены в публикациях многих специалистов 1960–1990-х годов: П.П. Хороших, Е.А. Хамзиной, В.А. Тиваненко, Б.Б. Дашибалова, К.М. Герасимовой, Г.Р. Галдановой, Г.Э. Дамбаева². За последнее время появились отдельные работы по изучению эвенкийских и бурятских культовых мест в Баргузинской долине: М.Н. Ошуркова, С-Х. Сыртыповой, Б.Ц. Гомбоева; о православной религиозной культуре писали С.В. Евдокимова, С.В. Бураева; религиозного синкретизма в Байкальском регионе касалась Н.Л. Жуковская.

К числу работ зарубежных исследователей, представляющих интерес для данной темы, следует отнести труд английского антрополога Кэролайн Хэмфри. В ее книге “Маркс ушел, но Карл остался” нашли отражение вопросы этнической истории и культурной жизни сел Баргузинской долины советского периода. Речь идет о двух колхозах, носивших имя Карла Маркса, которые расположены в Баргузинском и Селенгинском районах Бурятской АССР. Работа интересна тем, что содержит подробную информацию о традициях и инновациях в современной жизни бурят, о религиозной и обрядовой сферах их жизни. Наибольший интерес для нас представляет глава данной работы под названием “Ритуал и идентичность”, в которой автор рассматривает изменение социального базиса ритуалов³.

Основным источником для написания данной статьи послужили результаты полевых исследований, осуществленных автором в июле – сентябре 2002 г. в Баргузинском и Курумканском районах РБ – в селах Шаманка, Сахули, Майский, Могойто, Курумкан, пос. Баргузин. Анализ собранного нами полевого материала в селах со смешанным населением позволяет проследить формирование поселений, выявить культовые места вокруг этих сел, этнический состав проживающего здесь населения и его отношение к культовым объектам.

* Статья подготовлена в рамках программы “Этнокультурное взаимодействие в Евразии” (проект “Религия в истории и культуре монголоязычных народов России”).

** Культовое (священное) место – конкретный географический объект – гора, роща, озеро, река, перевал и т.п. – почитается как местопребывание духов – хозяев местности.

Весь Байкальский регион весьма интересен для изучения. Что касается Баргузинской долины, то этнический состав ее населения представляет сегодня довольно пеструю мозаику: русские, буряты, эвенки, татары и др.; столь же разнообразна этноконфессиональная принадлежность: православие, буддизм, шаманизм, ислам, и т.д. Как правильно отмечает О.В. Бураева, “национальные отношения выходят на первый план общественного бытия, а поиски новых форм оптимального взаимодействия народов, изучение прежнего опыта национального сближения и взаимодействия культур стали одной из жгучих проблем современности”⁴. Многовековое проживание на одной территории представителей многих этноконфессиональных групп и уважительное отношение их к обычаям, традициям, обрядам соседних народов послужило залогом стабильности этнорелигиозной ситуации в Республике Бурятия.

Совместное проживание русских с другими сибирскими народами обусловило достаточно оживленные межэтнические взаимодействия и взаимовлияния, а длительная удаленность от российских культурных центров способствовала сохранению многих древних элементов традиционной культуры⁵.

Северная часть Баргузинской долины: история формирования русских селений

В Забайкалье первые русские поселения возникли в середине XVII в. Русские, преимущественно служилые люди, концентрировались вокруг острогов, возведенных на основном пути к верховьям Амура. Около них возникали заемки и, в основном, силами тех же служилых возделывались пашни. В течение второй половины XVIII в. начали складываться важнейшие сельскохозяйственные районы Забайкалья: Удинско-Селенгинский и Чикойско-Хилокский. Восточнее Удина начинается заселение бассейна р. Уды. Севернее р. Селенги русское население сосредоточилось вдоль р. Итанцы и в нижнем течении р. Баргузин⁶.

Русское население, оседавшее в Забайкалье на вновь присоединенных землях, было неоднородно по своему составу. Н.Л. Жуковская рисует сложную картину: “служилое казачество, охранявшее государственную границу России с Китаем и Монгoliей, беглые крестьяне из центральных губерний России, государственные крестьяне, которых насильно переселяли на неосвоенные земли, старообрядцы (семейские), переселявшиеся в Забайкалье большими группами, начиная с 1760-х годов. С конца XVIII – начала XIX в. в Забайкалье стали возникать специальные поселки поселенцев из европейской части России, получавших земельные наделы. Они жили свободно, но под присмотром местных властей. В их числе были и русские, а также поляки и евреи, выселенные в Сибирь в большом количестве после национальных волнений в Польше и Белоруссии”⁷.

Та же судьба у русских поселенцев была и в Баргузинской долине. Согласно материалам исследователей, заселение Баргузинского острога и освоение долины р. Баргузин происходило разными волнами. Исторические сведения позволяют выявить некоторые этапы освоения края другими этническими группами, включая и коренных жителей, родовые подразделения бурят и эвенков. Известны сведения о заселении долины в более ранние периоды. Г.Н. Румянцев пишет, что “задолго до эвенков в Баргузине жило древнее монгольское племя *аба-хорошины* или иначе *солон-баргут*. Монголы, жившие под таким именем, решили, что впоследствии в этой стране возможны притеснения, и откочевали во Внутреннюю Монголию”⁸. Находки в Баргузине древних железных и бронзовых орудий, медных стрел и других вещей свидетельствуют об обитании здесь монголов. Между бурятами, переселившимися в Баргузинский край, и местными жителями – эвенками сложились напряженные взаимоотношения, как свидетельствуют баргузинские летописи (впервые опубликованы в 1887 г.) “...буряты сии по переходе в Баргузин нашли здесь местных жителей тунгусов, которые смотрели на новых пришельцев ненавистно, старались как-нибудь стеснить их, и были частые стычки и споры насчет поземельного владения; так как

тунгусы имели в то время преимущество – как многочисленностью, так и по праву местных жителей, первенство”⁹.

Процесс заселения долины выглядит следующим образом: баргуты и аба-хорчины примерно в одно и то же время, начиная с середины XV – до середины XVII вв. После того, как они оставили долину и устремились во внутреннюю Монголию, территорию Баргузинской долины заняли некоторые родовые подразделения эвенков.

Что касается бурятских родов, которые впервые попали в долину р. Баргузин, к ним исследователи относят *абзаевцев*. Эта первая группа откочевала на восточную сторону Байкала и поселилась в урочище *Ягарикту долоон нарасун* (Яркинские семь сосен). Вскоре они были вынуждены уехать, некоторые были ассимилированы эвенками и только с 1720 г. начинается массовое заселение края представителями бурятских родов галзут и эхирит¹⁰.

Согласно материалам С.В. Евдокимовой, вслед за эвенками и бурятами в долине реки Баргузин появились и русские. В 1648 г. отряд Ивана Галкина основал Баргузинский острог. Его казаки впервые дошли до р. Селенги и заложили там острог. Баргузинскими служилыми людьми были основаны и другие остроги – Нерчинский, Баунтовский, Еравнинский, Верхнеудинский и другие. Баргузинский острог вскоре после основания стал местом, “от коего довольноное время все завоевания по ту сторону Байкала зависели”. Он был центром Забайкалья – единственным административным, главным военным, местом сбора дани и служил отправной точкой для дальнейшего освоения края. Так, стоявший во главе Баргузинского острога Иван Галкин посыпал своих людей в соседние земли “для государева ясачного сбору и для прииску новых земель”, “для приводу к государевой милости” местных народов¹¹.

Аналогичная ситуация с переселением сложилась в то время и в других местах Сибири, в частности, в Алтайском крае¹².

«В Забайкалье, – пишет С.В. Евдокимова, – земледелие проникло позже, в XVIII в. Однако известно, что уже в XVII в. поселенцы практиковали первые “опыты” земледелия»¹³. Первые жители острогов несли свою службу – собирали ясак, охраняли острог. Но одновременно постоянно приходилось им решать проблему жизнеобеспечения. Постепенно они начинали заниматься охотой, скотоводством, ловлей и за-солкой рыбы и даже хлебопашеством. С появлением поселенцев-земледельцев к Баргузинскому острогу стали приписывать деревни-зимовья. Обычно они располагались на расстоянии 50–60 верст от острога, насчитывали, как правило, не более пяти дворов. Жили в этих деревнях чаще все те же служилые или казаки. В “Ведомости Селенгинского дистрикта о земельных делах” от 1740 г. указывалось, что двадцать шесть баргузинских служилых людей “пашут про свою домовую нужду, а в про-даже хлеба у них не бывает...”. В низовьях Баргузина возникла цепь деревень и зимовьев, носящих, как правило, фамилии основателей, в основном, служилых людей – Филат Шелковников, Яков Адамов (ныне с. Адамово), заимки “Господина Титова”, Журавлева, Митюшина деревня, Толстихина деревня, зимовье Житкова – деревня о двух дворах, основанная крестьянином Дмитрием Пашенным, Ешимово зимовье, Лиственичное зимовье и другие¹⁴.

С XVIII в. русские селения начинают концентрироваться вблизи тогдашнего г. Баргузина (1783 г.): от с. Макаринино до Нестерехи; левобережье р. Баргузина – от с. Читканы до Суво; постепенно осваивалась северная часть долины: села Сахули, Шаманка. В связи со строительством православных церквей в сс. Улюн (1864 г.)¹⁵ и Курумкан (1884 г.), христианство постепенно распространялось до среднего течения р. Баргузин.

Согласно другим источникам, население Баргузина заметно увеличилось только в начале XIX в. Сюда стали направлять на поселение политических ссыльных – людей самых различных национальностей. Первыми политическими ссыльными в Баргузине были братья М.К. и В.К. Кюхельбекеры, которые оставили заметный след в истории этого края. Со второй половины 1840-х годов осела значительная группа ссыльнопоселенческих евреев, которые в начале XX в. составляли примерно 10%

населения Баргузина. Они ссылались с западных границ России за то, что во время восстания в Польше и Венгрии помогали бунтовщикам. Позже, в 1880 г. в Баргузин были сосланы народовольцы, которые внесли особый вклад в народное просвещение¹⁶. К середине 1923 г. в состав Баргузинского уезда входили Низовская, Читканская, Бодонская, Верхнеангарская, Курумкано-Шаманская и Горячинские волости, основное население которых составляли русские, буряты и эвенки¹⁷.

Подробные данные о всех селениях Баргузинской долины с начала XVIII по XIX вв. мы находим у А.В. Тиваненко. С 1730 по 1850 гг. население Баргузинской долины выросло более чем в 28 раз. К середине XIX в. здесь сложились все ныне существующие поселения. Русское население Читканской волости было сосредоточено в 16 небольших деревнях, расположенных по южному берегу р. Баргузин. Читканскому волостному правлению подчинялись оседлые буряты и эвенки, жившие вблизи Бодонского селения, ссыльные поселенцы, а также далекое Верхнеангарское селение в 500 верстах к северу от Баргузина и маленько Туркинское селение на знаменитых Туркинских горячих водах. Кроме того было некоторое число поселенцев, “в разных местах живущих”. По подсчетам этого исследователя русское население края насчитывало более 3,5 тыс. чел. Среди аборигенного населения числилось 8302 чел. бурят, не менее 2000 чел. эвенков. Общее население Баргузинского края в первой половине XIX в. составило более 13 800 душ обоего пола¹⁸.

Местные старожилы в Курумканском районе все еще помнят рассказы своих родителей о тяжелых временах переселения и о трудностях адаптации к местности, к людям, к природе. По словам одного из жителей села Шаманка А.А. Распопова, «...мои предки были переселенцы с России <...> Осели они в Кабанском районе в дер. Елань. А вот откуда приехали, не знаю. Еще бабушка рассказывала, что прадед был сосланным каторжанином, бабушка за него сюда и притянулась. И вот они тут прижились. “Пугачевщина” была тогда, их, группу переселенцев, почему-то называли “пугачами”. Может, с пугачевскими восстаниями были как-то связаны»¹⁹.

Появление русских селений на территории современного Курумканского района (сел. Шаманка, Сахули) надо относить к началу XX в. По словам одного из старожилов, ветерана войны и труда А.А. Распопова, "...материны отец и мать прикочевали из Кабанска. Их прикочевало 1908 г. в село Шаманка 8 семей, ...которые жили в одном большом бараке. Затем жили в старых бурятских домах, только потом, через некоторое время обстроились, поставили свои дома. Эта степь была вдоль разрезана. Нижняя сторона была местная – бурятская, верхняя – государственная. Вот когда кабанские узнали об этом, так и прикочевали сюда". После 1914 г. переселились, по словам этого информатора, около 20 семейств. Большинство из них происходило из Баргузинского р-на, были и русские семейские, один армянин и один кореец. При мерно в 1924–25 годах сюда были сосланы несколько еврейских семей, один из них по мнению старожилов, был “фабрикантом”, другой инженером, который строил в Усть-Баргузине сырзавод, лесозавод. “Здесь и буряты, русские, эвенки жили и живут вместе, – сообщает информатор, – китайцы жили. Раньше их в Шургуре много жило. Потом за рекой Шаманкой жили. Они, видимо, огород сажали, грядки были после них. Еще один кореец жил”²⁰.

Формирование постоянного русского населения в верхней части Баргузинской долины связано с поисками мест, удобных для земледелия. По словам старожилов, переселенцы в первый же год посеяли хлеб, хотя им приходилось на первое время употреблять в пищу черемуху, благо, что урожай черемухи был всегда хороший. Одним из благоприятных мест в окрестностях Шаманки считалась местность Шургур, где впоследствии жили китайцы, они возделывали огород. В период коллективизации, дома были свезены на центральную усадьбу, а землю в Шургуре распахали под пашни. В 1920-х годах большое значение для земледелия в данной местности приобрела прокладка оросительных каналов. По сообщению А.А. Цыренова, 1928 г.р. на базе колхоза “Красный Октябрь” (с. Шаманка) был образован укрупненный центр, который вобрал в себя два других колхоза²¹. У горы Шаманка стало разрастаться селе-

ние, были организованы коммуны и т.д. Их населяли буряты, русские, эвенки, татары, евреи, китайцы.

Русских жителей других сел в начале 1920-х годов было мало. По сведениям А.А. Распопова, “вот мне лет пять было (около 75 лет тому назад. – Б.Г.), помню, Хонхино проезжали, едешь, и слева одни сосны стояли. Там один или два бурята жили и все. Потом они укочевали в Аргаду. А вот китайцы, русские появились гораздо позднее”²².

В период коллективизации проводилось укрупнение колхозов и селений с целью освободить землю под пашню. Однако не все местные жители принимались за сельское хозяйство, многие предпочитали охоту, ибо месторасположение сел вблизи лесных массивов предполагало отличную охоту²³.

Жительница села вспоминает: “...в Шаманке живем с 1950-х годов, приехали из Тунгена, <...>. Родители были из Уро (Телятниково) Баргузинского района”²⁴.

Некоторые жители переехали в сел. Шаманку из близлежащих местностей. Например, семья Евреевых в 1962 г. переселилась в это село из местности Шургур: “до 1930-х годов дер. Шургур была полноценной деревней. До сих пор народ съезжается туда, и русские в том числе, на родительский день”²⁵. А уроженка с. Тазы Софья Гавриловна Миронова, эвенка, 85 лет, из рода гальдзогир – шоно галзууд, считает себя уроженкой местности Хабаржаан, т.е. местность Карасун, что в Баргузинском районе.

По сведениям других информаторов села Шаманки, его этнический состав выглядит следующим образом: бурятских семей – 4, татарских – 2, еврейских – 1, корейских – 3, эвенкийских – 1; живут также: один семейский старовер и одна тувинка. Остальные жители – русские. В селе более 90 дворов²⁶.

Поселок Майский, как одно из “молодых” административных образований в Курумканском районе, возник в 1960-е годы, когда стали строить леспромхоз. Лес начали заготавливать в 1963–64 годах. По сведениям информантов, поселок вырос на месте лесных массивов, которые считались границей между охотничими угодьями эвенков (местность Самаахай) и родовыми кочевьями бурят (местность Мухалта).

Другое русское село – Сахули²⁷ начало заселяться с 1928 г. Одними из первых жителей, переселившихся из с. Нестериха Баргузинского района, были семьи Богатых, Колмаковых (около 7 или 8 семей). Потом переехали семьи из Тунгена. В это время проходило укрупнение колхозов, так и появились Верхняя и Нижняя Шаманка, Шургур и Верхний и Нижний Сахули. Основная часть населения – русские, есть несколько бурятских и татарских семей.

Местный житель Павел Ильич Козулин (1941 г.р.) рассказал: «наши корни с Уро, родители оттуда. Сахули раньше называлась колхоз “Красный пахарь”. А в Нижних Сахулях – из с. Телятниково, Баргузинского района. В Сахулях организовали Добрвольное общество земли (ДОЗ). Поэтому заселили 28 семей из с. Нестерехи»²⁸.

По словам Софьи Игнатьевны Ивановой, 1924 г.р.: “с. Сахули образовалось в конце 1920-х годов. Люди приезжали из сел Уро, Телятниково, когда там не хватало земли. Основали с. Шаманку, Сахули. Русские составляли 80–85% населения. Постепенно все население смешалось. Буряты с займок покупали дома выезжавших русских. Информатор рассказывает: “А бурят, которые здесь жили, русские их не называли бурятами. Они считались такими же гражданами. Если идет нездешний, то говорят, идет бурят. А если идет, например, Михаил Шагдурович, то, значит, идет Михаил Шагдурович”²⁹. В Шаманке живут две татарские семьи. “Они свое национальное держат, – сообщает С.И. Иванова. – Особенно их женщины. Они выписывают пластинки из Татарстана, говорят меж собой на своем языке. Бабушка Каримова религию сохраняла. А в Аргаде жили татары – она все время к ним ездила на праздники. Они не ели потом целый месяц, выдерживали пост (месяц рамадан. – Б.Г.). Сам Каримов был мулла, что ли. Он лечил людей. Они всегда доброжелательные были, работающие. Закировские внучек учили по-татарски говорить”³⁰.

Согласно данным Д.Д. Мангатаевой по районам Баргузинскому и Курумканскому численность этнического состава выглядит следующим образом: русские – 25709 чел.

(в Баргузинском р-не 19668 чел., в Курумканском 6041 чел.), буряты – 18951 чел. (7001 чел. и 11950 чел. соответственно), эвенки – 342 чел. (38 и 304), татары – 461 чел. (301 и 160), евреи – 73 чел. (69 и 4)³¹.

Рассмотренные выше материалы истории заселения Баргузинской долины наглядно демонстрируют условия, в которых проходила адаптация русских старожилов и представителей других этнических групп. Сколько бы времени ни прошло, потомки тех первопроходцев и последующих переселенцев помнят истории своих родов, трудную участь предков, когда-то положивших начало освоения горного, таежного края. Следовательно, процесс адаптации русских старожилов в Баргузинской долине проходил неравномерно. Впоследствии образовалось много семей – какmonoэтничных, так и смешанных³². Селения и поселки, сельские и другие административные образования отличаются местными традициями и особенностями культурной жизни.

Культовые места вокруг русских селений.

Почитание их местным населением

Поворотным пунктом в истории бурят явилось вхождение Бурятии в состав России. Т.М. Михайлов пишет: «...новая система управления, изменения в хозяйстве и появление новых видов деятельности, особенно земледелия, влияние материальной и духовной культуры русского народа, распространение христианства – все это не могло не отразиться в анимистической теории и культовой практике бурят. Появились эжины “духи-хозяева” новых видов деятельности людей, изменились функции старых богов и духов, увеличилось число духов болезней, семейного быта. В представлениях о загробной жизни и погребальных обрядах сказалось влияние христианского учения»³³.

В селах со смешанным населением, где русские живут совместно с представителями других народов, сложилась своя практика почитания культовых мест, проявились особенности религиозного сознания, что и подтверждают полевые материалы. Традиционные культовые места бурят стали почитаться также и русскими, которые были и остаются православными христианами: они сохранили религиозные традиции, тем не менее, атеистическая пропаганда советского времени, акции по искоренению религиозных пережитков оставили свой след.

Пожилые люди, свидетели мероприятий борьбы с религиозными культурами, сегодня вспоминают события того времени: “Русскоязычные жители молились дома, или с бурятами ходили, – рассказывает местный житель с. Шаманка А.А. Распопов, – русских было – целая деревня. Здесь (в Верхней Шаманке. – Б.Г.) жили Макаровские и Залуцкие. А в углу часовня русская была. Это маленькая церковь – домик и крест. Приезжал из Курумканы периодически поп, во время православных праздников. Он всех нас собирал, кропил священной водой. Еще советской власти не было, жили-то по-старинному. А поп этот в Курумкане жил. Там же церковь была большая, потом все уничтожили”³⁴.

Как справедливо указывает Н.Л. Жуковская, буряты – один из немногих народов Сибири, имевший письменность (на старомонгольской графике), значительную светскую и религиозную литературу, развитое в рамках буддизма искусство – живопись, скульптуру, архитектуру. В 1939–40 годах значительная часть монастырей и храмов Бурятии были разрушены, их имущество частично уничтожено, частично свезено в музеи³⁵.

По рассказам одного из наших информаторов, “в Шаманке на горе стояла буддийская кумирня. И там окошко было, а внутриstellажи, на которых божки были – бурханы, их много было. А тут кучей стоял каменный плитняк, серый такой, на них были выгравированы змеи, звери разные. Потом пожар был, потом хулиганье все разбросало. Помню, когда я еще маленьким был, сюда приезжал хамбо-лама, низенький был, толстый, на коне сидел. Его вещи везли на место проведения обряда, в горы, на отлогих склонах, вот там и молились. Варили мясо, жарили, парили. Моли-

лись по-бурятски, вокруг камней, вокруг кумирни маленькой. Это я помню. Давно так-то было. Мне было лет восемь (время действия – примерно 1926 г. – Б.Г.). Вот после того, все она стояла, никому не мешала, потом пожар был, и избушка вся сгорела. <...> степь Бутуй – там была кумирня, сделанная просто из чаши. Она почернела вся. Я помню, когда это было сделано. Тоже буддийская <...> Потом тоже сожгли. Года два-три назад приезжали сюда не ламы, а шаманы. Туда мы ездили и смотрели. А потом выяснилось, что шаманско место там в Сахулях. Здесь-то кумирня (бумхан) стояла”³⁶.

В Забайкалье обе разновидности христианства – православная и старообрядческая претерпели разрушение церквей, репрессии священников, запрет на официальное исполнение обрядов и т.д. “Шаманство эвенков и бурят попало в тот же список вредных пережитков феодального прошлого, которые нуждались в искоренении. Места шаманского культа, находившиеся, как правило, в горной тайге, были в большей безопасности, чем буддийские дацаны, православные церкви и старообрядческие храмы и часовни, поэтому они и подверглись не столь тотальному разгрому, хотя, конечно, им тоже досталось” – отмечает Н.Л. Жуковская³⁷.

Ныне русскоязычное население молится дома, перед иконами, крестами и т.д. Буряты же посещают культовые места один раз в год, обычно, весной или осенью исполняют обряды. На этот случай можно привести слова из шаманского призыва, где указано время проведения обряда: *хабарай хатуу, намарай натуу* – крепость весеннего напитка и обилие продуктов осени, преподносимых божествам. Весна и осень – пора, когда скот дает жирное, вкусное молоко, из него делают молочную водку, которая играет существенную роль в ритуалах, посвященных духам-хозяевам. “Первники” продуктов – первый ломоть хлеба, первая рюмка водки воздаются покровителям местности и семейно-родственного клана. Местные жители могут проводить обряды не только на культовых местах. При необходимости ритуалы проводятся у себя дома, во дворе, в кузнице.

В Баргузинской долине, в среде бурятского населения, из поколения в поколение передается религиозная традиция почитания основных пяти культовых мест, “духов-хозяев местности” (*табан сабдагууд*), к которым относятся (от истоков реки Баргузин до устья): Бөөлэн-түмэр, Дээдэ баабай, Бархан Үндэр, Хилман хушуун, Буха шулун. Согласно шаманской традиции, пять “духов-хозяев” местностей являются защитниками и покровителями всей Баргузинской долины. Дээдэ баабай – “хозяин местности” с. Шаманка и окружающих селений, считается сильным покровителем и его “пристанище” находится на одной из вершин Баргузинского хребта (расположен к северу от села), очертания которого напоминает собой седло. По словам местного жителя А.А. Цыренова, когда приближается время свершения обряда (*сэргээм*) данного божества, ему снится, что на горе появляется вулканообразный поток, и это, по его мнению, является своего рода знаком. По его утверждению, он много раз “видел”, как всадник проезжал мимо на белом коне, видимо, это *сабдаг* (дух-хозяин) местности Шаманка. Возлияние “духу-хозяину” он совершает прямо с территории своей усадьбы в сторону горы. Его обращение к духу начинается со слов: “Дэлнэтэ ехэ Дээдэ баабай, Дэлэнтэ ехэ хатан – “Дээдэ баабай (Отец верховьев) хозяин, имеющий величественную гриву (волосы), госпожа, имеющая огромное вымя (грудь)”³⁸.

Вокруг с. Шаманка, по словам информаторов, есть несколько культовых мест. Одним из самых почитаемых считается культовое место возле одноименной речки Шаманки. Место это находится на отлогой горе на правом берегу. Раньше (до Октябрьской революции. – Б.Г.) приглашали лам для проведения обрядов в этом месте. На этой горе стоит камень, на котором резали жертвенного барана, подготавливали пищу. Затем для проведения обрядовых действий приезжал лама, которого местные жители на руках или на спине поднимали на гору³⁹.

Изначально на этом культовом месте обрядовые действия совершили только шаманы. Оно было особо почитаемым местом у эвенков и бурят. Право переходить че-

Бурятская шаманка М.Г. Данчинова совершает обряд жертвоприношения на культовом месте Хээр Шошо-го. Курумаканский р-н, с. Барахган. Фото автора. 2001 г.

рез речку имели только мужчины, а женщины объезжали данное место по куйтунскому косогору. “На нижней стороне жила шаманка-бурятка. Существовал запрет этой шаманки – женщинам ни в коем случае здесь не появляться. И они не бывали здесь, до советской власти, видимо поверье такое было⁴⁰. По их словам, название села происходит от той шаманки-бурятки, которая жила в этой местности. Раньше дорога проходила через Шургур. Сейчас водители, проезжая мимо, останавливаются у речки, на мосту. Брызгают водкой, пьют ее. Так молятся: и русские, и буряты, и эвенки.

В Шаманке много мест, где легко заблудиться в лесу. Одно из таких мест находится около Пахарского ключа в районе Широкой пади. Появляется некий “человек” и манит путника за собой, иногда помогает найти дорогу, иногда путает и заводит в глушь, – кому как повезет. Альбина Васильевна Шелковникова рассказывает: “мы (русские. – Б.Г.) знаем все местные обычаи, оставляем там, на месте еду, соль или водку, если есть, обязательно брызгаем по бурятскому обычью”.

Недалеко от въезда в село, находится другое священное место, называемое Узкое место (*гурбан нарнан*), его почитают местные жители. Главным ориентиром служит необычное дерево (сосна), состоящее из трех сросшихся стволов. Местные жители говорят, что здесь жила шаманка по имени Соодоон. Она проводила шаманские обряды: буряты привозили барана и тут же разделяли туши и готовили мясо в чугуне. Мясо отделяли от костей, кости сжигали на огне, а мясо все съедали. Рассказывают, что шаманы своими действиями предотвращают беду или несчастье, засуху или какое-нибудь природное явление. Однажды летом на куйтунских полях наступила засуха. Это уже был советский период, когда на куйтунах стали сеять хлеб. Буряты приехали к шаманке за помощью. С собой взяли барана черной масти, молочную водку и прочее, провели обряд и уехали. Уже на завтрашний день пошел дождь, причем сильный, как из ведра, и лил целую неделю⁴¹.

В некотором отдалении от с. Шаманка в сторону с. Сахули находится культовое место “о под названием Убөөхэй, далеко в лесу, в 5–6 км вверх по ручью по направлению

горы. Обряд в честь “духа-хозяина” культового места Убөөхэй проводятся редко. В жертву приносят крупный рогатый скот (*ухэр*). Жертвенное животное разделяют там же, мясо съедают участники, а из шкуры изготавливают чучело, которое оставляют на месте. В обряде жертвоприношения принимают участие и буряты и русские. Считается, что в советское время люди перестали почитать этого духа, совершая жертвоприношение, но время от времени в этих местах попадались чучела из шкур. Значит, это культовое место не было заброшено и забыто.

Вблизи райцентра с. Курумкан в местности Малаанка, по словам А.А. Цыренова, есть культовое место Алга. Местные жители связывают с ним много различных историй. Например, считается “в этом месте постоянно переворачиваются машины. Проезжающим водителям всегда что-то мерецится: если водитель автобуса едет один, ему вдруг кажется, что салон полон пассажирами”⁴².

Местные жители рассказывают, что в середине 1990-х годов по дороге в с. Алла мимо культового места возле речки Шаманка проезжали шаманы, в том числе Н.А. Степанова, президент Ассоциации шаманов Бурятии “Бөө мургэл”⁴³. Зная, что здесь священное место, они захотели провести обряд почитания “духа-хозяина”. Видимо, знаком послужил тот факт, что над ними кружился беркут. Но один из шаманов сказал, что данное культовое место почитают ламы (*ламайн тахидаг газар*). По словам местного жителя А.Б. Евреева, “дух-хозяин” не любит, когда в жертву идет спиртное и вообще пьяных не любит, а рекомендуется ставить монеты и сигареты⁴⁴. Местный житель А.А. Цыренов поведал о факте религиозного почитания “духа-хозяина” культового места в местности *убөөхэй*, во времена Великой Отечественной войны (1941 г.), когда особо не афишировали шаманские камлания. Обряд, заказанный в честь родственников, ушедших на фронт, ради их возвращения с победой, проводил Уутайн Надмит, известный в то время шаман, которого пригласили местные жители⁴⁵.

В Баргузинской долине есть одна особенность в шаманской практике, которая во многом зависит от происхождения адепта: принадлежит ли он кузнечному или шаманскому роду, а также от количества шаманов в родословной и от самой религиозной практики. По нашему мнению, сами культовые места и определяют характер обрядовых действий. На проведение обряда и на само почитание культового места накладывают отпечаток различные религиозные напластования. Не приходится удивляться, когда местные жители сначала совершают обряды жертвоприношения по шаманским обычаям (*хараар*), затем по буддийским правилам (*сагаагаар*). В обоих случаях на обрядовых мероприятиях могут присутствовать служители культа, а в их отсутствие роль руководителя обряда выполняют представители старших поколений семейных или родовых подразделений.

Одним из самых устойчивых и почитаемых культов считается кузнецкий культ, который весьма распространен в Прибайкалье и в Забайкалье (в Баргузинской долине, в частности).

В селе Шаманка (напомним, что большинство его жителей русские) живут две бурятские семьи (Мунхоевы и Евреевы). Главы этих семей знают, что роды их ведут происхождение от кузнецов. Однако они не занимаются шаманской практикой, а всего лишь по необходимости могут себе позволить провести то или иное обрядовое действие, касающееся их семей или родичей. Более того, ежегодно, в весеннее время, а именно, в течение “Белого месяца” они, каждый в отдельности, почитают своих духов-предков и кузнецкие инструменты. Обряд жертвоприношения проводится ими в честь культа кузнечества и кузнецов-покровителей, что по-бурятски звучит – *дархаяа тахиха* или *дарха тайлга*. В состав участников обряда входят не все – преимущественно старшие мужчины рода, семьи. Ритуал совершается в кузнице в с. Сахули. Из собственно кузнецких инструментов, используемых в обрядах, сохранились кувалда, киянок, зубило, щипцы, которые хранятся на чердаке. Обрядовой пищей для жертвоприношения служит традиционный набор продуктов, доставленных из дома: *мяхан* – бааранина (в крайних случаях можно и свинину). Поджаренное мясо выделяет запах (*хоншуу гаргаха*), им-то и питаются духи. Молочная вода (*того-*

Кузнец-шаман Владимир Хабтагаев совершает обряд жертвоприношения предкам-кузнецам. Курумканский р-н, с. Барахган. Фото автора. 2002 г.

онои архи), при ее отсутствии можно употребить водку заводского разлива (*xara ar-xu*); молоко (*hyn*), местный кисломолочный продукт (*xurэнгэ*); традиционное блюдо – сваренное из сметаны с мукой (*саламат*); и, наконец, сладости – конфеты, печенье, пряники. Полагается всю обрядовую пищу употребить на месте: ее надо съесть или раздать (*хүртэхэ*) присутствующим оставшуюся пищу отдают огню. В сс. Шаманка и Сахули живет много русских, прийти и стать участниками обряда им не возбраняется. Некоторые местные русские даже считают, что, поучаствовав в обряде, можно оградить себя от всевозможных неприятностей. Возле огня рекомендуется вести неторопливую беседу и не спешить начать трапезу. Если в кузницах бурятских сел можно обвязывать инструменты лоскутками тканей (*сэмэлгэ*), то в русских селах стараются не оставлять после проведения обряда за собой ничего лишнего, что привлекало бы внимание посторонних. Что касается частоты обрядов, просьбы и молений духам-кузнецам, – считается, чем меньше тревожить духов, тем лучше. Информаторы объясняют: «чем больше просишь у «духов» – тем больше спроса и ответственности – домашний скот будет пропадать часто. Надо просто молиться в душе и знать, что «духи» предков-кузнецов всегда оградят от несчастий и бед»⁴⁶.

Населенный пункт Шаманка по своему местонахождению близок к основной водной артерии долины – р. Баргузин, расположен на правом берегу этой реки, куда впадают с отрогов Баргузинского хребта многочисленные горные речки. Местные жители научились использовать воды горных рек для орошения полей. Считается, что у рек, у озер есть свои “духи-хозяева”. Обряды, адресованные “духам” воды, могут совершать шаманы и буддийские ламы. Так, по свидетельству А.А. Цыренова, обряд в честь “духов” воды (*лусадтая*)⁴⁷ проводится с помощью служителя культа буддийского направления, в основном, при дацане или даже в самом храме. Лама, предварительно прочитав молитву, берет принесенные из дома “первинки” ритуальной пищи, куда входят: спиртное (обычно водка заводского производства), молочный продукт, сладости, сигареты, и проводит обряд жертвоприношения “духам” воды там же при дацане. Наш собеседник привозит домой освященные продукты и преподносит “духам” воды непосредственно на месте: погружает в воды речки Шаманка.

Информаторы сообщали и о других местах почитания. Так, по словам А.А. Распопова: “священные бурятские места есть на Куйтуне, недалеко от с. Могоито. Раньше ездили по старой дороге, как подымешься на Куйтун, с левой стороны, в лесу. А прямо за с. Могоито стоит лес, там тоже есть бурятское моление (видимо, речь идет о культовом месте Шиизга. – Б.Г.). Есть еще бурятское моление в Иликчине, за Аргадой в сторону Гарги. Вроде ключ, источник есть рядом. Там еще жила бурятка – лама (*хандамаан*), у нее на обыкновенном столе бронзовые буддийские статуэтки были, лампады, чащечки. Раньше в каждый дом заедешь, везде столы (*божницы*) стояли, бурханчики-статуэтки, такие красивые и раскрашенные. Потом, видимо, все выбросили. Это было лет тридцать, сорок тому назад”⁴⁸.

К культовым местам местные жители относят и лечебные источники – холодные и горячие. Один из таких холодных источников-аршанов находится в Большой пади и представляет собой маленькое озерцо, с постоянной проточной водой, оставляющей желтые осадки. Помогает при лечении глазных болезней. “Однажды приезжал с Иркутска исследователь Буцлов, – рассказывает А.А. Распопов, – и на вопрос, почему вода такого странного цвета как янтарь, он ответил, что есть какой-то процент залежей железной руды, которую выносит вода откуда-то из глубины. Также в местности Кордон есть горячий источник, вода чистая-чистая. Буряты постоянно приезжают. Даже помню, когда до войны года два или три, здесь жил буддийский монах и проходил лечение”⁴⁹.

Баргузинская долина – это край богатых охотничьих и рыболовных угодий. Один из бывших охотников рассказывал нам, «что “дух-хозяин” леса, конечно, есть. Но, сам его не видел и не слышал. Во время привала среди охотников полагается поделиться “с ним” содержимым своего пайка: первинки чая, кусочки хлеба и сала. Если водка есть, то обязательно надо побрызгать для удачной охоты». По его словам, “перед охотой специально не молимся, не принято, а вот некоторые запреты соблюдаем: когда идешь в лес, никому ничего не даешь; плохо, когда дорогу перейдет женщина, остановишь, пресекаешь такие моменты”⁵⁰.

В свое время учитель истории Барагханской средней школы, этнограф Г.Э. Дамбаев отмечал в своих дневниковых записях, что “в летнее время барагханцы охотились также и на птиц, в частности, на гусей и уток, а лебедей исключали: считали их священными. В старое время, люди еще верили в колдовство: перед выходом на рыббалку или на охоту, чтобы улов и охота были удачливыми, все рыболовные снасти и орудия охоты курили на дыму, молились сабдаку (хозяину местных озер и рек) и *Ойн-лэу – Ойн Лээнэй* (хозяину местных лесов)”⁵¹.

Немало насчитываются культовых мест вокруг другого населенного пункта – поселка Майский. Их местные жители обычно подразделяют на бурятские и эвенкийские. Одним из самых важных и почитаемых “духов-хозяев” местные буряты считают – *Ноён Тэбжээхэй*. Согласно преданию, “здесьние места принадлежали владениям Чингисхана, и местный фольклор сохранил легенды и предания, связанные с местами его пребывания по всей этнической территории проживания монгольских

племен. В верховьях реки Баргузин раньше воды, говорят, много было. Местные жители утверждают, что сам Чингисхан поил своих коней в этих местах, и появление священного места связано с его именем и периодом его правления. Однако к самому “духу-хозяину” местные жители обращаются именем одного из князей монгольского войска (Ноён-Тэбжээхэй). По одной версии, это может быть связано с табуизацией имени Чингисхана, которое встречается достаточно часто. У монголов существовал запрет на произнесение имен правителей – при обращении к ним и за глаза, их чаще всего называли титулом⁵². Имя легендарного монгольского правителя подменяется другим, не менее родовитым именем. По другой версии, в армии Чингисхана был некий князь, носивший подобное имя или могли быть его потомки:/⁵³. Согласно Л.Е. Элиасову, “носители этого имени могли быть представителями племени легендарных баргутов, приближенных монгольского двора”⁵⁴.

По словам Д. Шарланова, обряд жертвоприношения “духу-хозяину” местности Ноен-Тэбжээхэй (по другим сведениям – Ноен-Тобжоондой) проводится один раз в год, во время празднования Белого месяца, а именно до 15 числа по лунному календарю (в период новолуния). Молятся, в основном, бурятские семьи, совместно – мужчины и женщины, всего около двадцати человек. Молятся также эвенкийские семьи, но уже отдельно от бурятских. На данном культовом месте жертвенного барака не закалывают: ритуальные блюда готовят дома, из обрядовой пищи преподносят спиртное, молочные напитки, чай с молоком, первинки из домашних продуктов (сладости – конфеты, печенье)⁵⁵.

Упоминание об обряде звучит как монголоо хүндэлхээ ошохомнай, что в дословном переводе означает – “сегодня будем почитать духа монгола”. Этот “монгольский” контекст присутствовал в прошлом при обрядах жертвоприношений у западных (верхоленских, кудинских, ольхонских и байкало-кударинских) бурят под названием монгол-бурхад (“культ монгола”). Т.М. Михайлов пишет: “монголов-бурханов было много, они имели различные названия: хара-монголы, шара-монголы, ута-монголы”⁵⁶. Он приводит в пример материалы Б. Петри, где согласно преданиям, «некогда в Прибайкалье жил народ “монголы”. Они откочевали на юг после того, как здесь выросла береза, никогда прежде не росшая в этих местах. Пораженные невиданным явлением, монголы запросили своего шамана, который объяснил, что белое дерево предвещает приход белого царя, и монголы покинули кочевья. Но души тех монголов, которые успели умереть в Прибайкалье, остались “хозяевами” мест, где стояли их юрты. Образовалось целое сословие мелких территориальных духов. Каждый бурят перед постройкой новой юрты должен был испросить разрешения у духа-монгола и сделать жертвоприношение»⁵⁷.

В Баргузинской долине теперь вовсе не совершается подобное обрядовое действие или же редко можно его встретить. Аналогичные обряды могут проводиться под другим названием – сэргэмээ ургэхэ – “сделать окропление”; хото хүрэйн эзэдтэ – обряд “покровителям скота и домашних построек”; лусудаа тахиха – “освящение водных источников, где домашние животные пьют воду. К тому же обрядовому циклу можно отнести и совершение весенних и осенних шаманских обрядов (*хараар*). Шаманы или старцы выходят на скотный двор, “брьзгают” молоком и водкой, угожают первинками продуктов “хозяина” огня-костра. В то же время, в подобных обрядах адресатами обычно являются “духи-хозяева” местности. По словам местного кузнецадархана из с. Барагхан Ц.Я. Очирова: «скотный двор (*малай хүрэй*) – это особое место, с одной стороны, он связан с приумножением поголовья домашних животных, с другой же стороны, это “сакрально чистая земля”, единственная из всей усадьбы, пригодная для проведения самых разных обрядов»⁵⁸.

Другое культовое место находится в местности Добуун, где приносят в жертву барака. В начале XX в., знаменитый *ширетуй* (настоятель. – Б.Г.) Баргузинского дацана Соодой-лама, приезжая в эти места, давал наказ местным жителям, чтобы они построили здесь буддийскую ступу-субурган. Но выполнить его завет не удалось. Только после революции здесь была построена маленькая часовня-бумхан. А когда

Православная Спасо-Преображенская церковь (постройка 1834 г.) в селе Баргузин. Фото автора. 2001 г.

начались гонения на религию, культовая практика сделалась невозможной и хранение дома статуэток, также других буддийских предметов было запрещено. В период Великой Отечественной войны обряды жертвоприношения проводились в глухом лесу, в ночную пору. И, чтобы не были уничтожены святые предметы, жители старательно возвели в этой местности круглостенный субурган, где долгое время, вплоть до 1990-х годов, хранились буддийские глиняные статуэтки (*шабар бурхан*), изображения божеств на тканевой основе (*дэлэг бурхан*), и многие другие предметы. Однако и даже после того, как лет десять назад пьяный тракторист снес деревянное строение, место это стало еще более почитаемым.

В.И. Харитонова, рассматривая “священные места” в свете проблем экологии, отмечает, что отношение к сакральным памятникам не только как к “местам силы”, позволяющим восстанавливать человеку его собственный запас жизненных сил, “энергетически подпитываться”, но и как к культурному наследию, как к местам древней религиозной практики заставляет шаманов обращаться в различные инстанции, в том числе, официальные, с просьбой о придании определенного статуса этим территориям или культовым объектам⁵⁹.

Все же последующие общения с русскими жителями убеждают, что православная религиозная традиция продолжает жить.

Комментируя текст-обращение вечерней молитвы, Анастасия Георгиевна Машанова, 1929 г.р., дополняет: “именно это и должно вылечивать душу, вера всегда быть при человеке должна... Всех, кто не был крещен, мы всех крестили. Я церковь не пропускаю, два раза в году ездила. К религии отношусь положительно, хорошо ведь, когда все восстанавливаются, вера возродится, без веры жить невозможно. Что касается здешних культов, ездим на местные курорты, построенные на целебных источниках, молимся – конфеты поставим, чай ложим”.

Говоря о восстановлении Курумканского прихода в райцентре, местные жители высказывали свою точку зрения о целесообразности и эффективности деятельности

Приезд в Баргузинский дацан духовного представителя Далай ламы XIV Джампа Тинлея для торжественного открытия Всероссийского буддийского медитационного центра. С. Курумкан. Фото автора. 2000 г.

церкви, о постепенном увеличении православного прихода. По словам Александра Николаевича Машанова, 1929 г.р.: “надо привить ее (религиозную веру. – Б.Г.) сначала, заинтересовать людей, чтобы почувствовали церковь. Год потерпят, потом уже народ должен потянуться. В праздники пойдут, достаточно одного или двух примеров излечения и – все. В газете надо в больших количествах печатать статьи на эту тему”⁶⁰.

Что касается современного полиэтнического сообщества, сложившегося в Курумканском р-не, можно сказать о толерантном отношении его членов к разным религиозным конфессиям, распространенным в данной местности. Одна из них – буддизм, ярким воплощением которого для других национальностей является Баргузинский дацан, отстроенный в начале 1990-х годов недалеко от райцентра с. Курумкан. По рассказам С.И. Ивановой, “у нас здесь нет церкви, как вы думаете, что делают наши русские. Они ездят в дацан. Мои внуки, например, приехали из Иркутска и сразу сели в машину и укатили в дацан. Они там фотографировались на фоне гор, все снимали на видеокамеру. Их там одна женщина водила по дацану, объясняла. Хорошо встретили, говорят. Я ни разу не была, все хотела в дацан съездить. Здесь говорят, молельный дом открыли в Курумкане. Я была лет шесть тому назад на открытии церкви в Читкане. Сначала клуб стоял, потом закрыли. А той роскоши и великолепия, какой я помню с детства, ничего не было. Кресты, помню, были сделаны мастерами перед Первой мировой войной. Прилетел орел и сел на крест и сломал. Тогда вызвали мастера из Иркутска, он отреставрировал. А сейчас поставили маленькие и невзрачные. Тогда еще колокол утопили в р. Баргузин. Еще до сих пор не достали его. Надо же было такому случиться, на лошади везли, и он упал в реку, с парома. Не хотел он уходить в город. Со временем поднимут. Хорошо, хоть здание церкви не разобрали. Трехглавый собор, одна колокольня. Мама мне рассказывала, что в 1914 г. ждали какого-то несчастья. Это было перед самой войной. А бабушки рассказывали мне, как строили церковь, что на улице километр с лишним стояли столы, чтобы кормить работников, строил один Читканский богач – Кожевин. Ког-

да звонили в Читкане, в Уро были слышны колокола (расстояние около 8 км). Такой звон красивый был”⁶¹.

Многие жители упоминали о культовых местах, находящихся в горах за Читканом, это подтвердила и С.И. Иванова: “знаю, что через Читкан с Аргады буряты ездили в горы, на лошадях, видимо, это было очень далеко. Туда проходил путь в Читу, куда гоняли скот. И там, где-то на горе буряты молились, сейчас наверно, не ездят… когда еще не было сильно религии, я приезжала отдыхать на Кучигер. Многие учителя, видимо, побаивались, что я скажу. Я помалкивала, и сама потом ходила к тому месту, где все молились”. Местные святые источники, курорты и грязелечебницы до сих пор остаются одними из самых посещаемых мест, где жители отдыхают в летние сезоны. Обычно, перед приемом лечения, местные жители почитают “духов-хозяев” местностей, независимо от своей этнической принадлежности и социального положения.

Русские жители, особенно пожилого возраста, невольно становились вместе с бурятами и эвенками участниками многочисленных обрядов почитания культовых мест. Особенно это касается придорожных культов. Например, Павел Ильич Козуллин, 1941 г.р., будучи на протяжении многих лет на руководящих постах, разъезжая по служебным делам, невольно становился участником некоторых обрядовых мероприятий, зачинателями которых выступали всегда его бурятские коллеги. Он называл эти места, где наиболее часто останавливались путники, водители и т.д.: *Ухээриин гол* – “долина захоронений”, *Малаанково* – “лысая местность”, *Шиизга, Тутанхан* – культовые места шаманских захоронений. По его словам, “многие ездят на святые источники – *аршааны*, где так же молятся и почитают “духов-хозяев” местности: на аршааны ездил отдыхать в Кучигер, на Алгинский, Гаргинский, Умхейский источники. Мы же видим, как молятся. Вот подъезжает машина, и люди потихонечку идут самостоятельно молиться к святому месту, обязательно запасвшись молочной пищей. Я также молюсь. Не столько молимся, сколько подражаем. Ну, так же положишь монетки, бутылочку откроешь, как все. Иногда больные встают на ноги, костили оставляют, особенно в Кучигере”⁶².

По сведениям информатора А. Шелковниковой, “отношение к культовым местам, конечно, благосклонное. Раньше стеснялись как-то. В любом случае, надо проникнуться душой, успокоение чувствуешь, подбодришься и дальше поедешь. Необязательно выпить, побрызгать. Что-нибудь обязательно надо положить: монетку, конфетку, спички, сигареты или что-то еще. От посещения таких мест, храмов всегда легче становится. На священных местах такое же состояние бывает. Что касается других обрядов и календарных праздников, то обряды в праздники и в советское время соблюдались, и Рождество и Пасха. У нас в праздники культ еды: на Рождество – пирожки стряпаем, в Сагаалган – *буузы* (мясо в тесте – наподобие мантов) делаем, на Масленицу – блины, на Пасху – яйца”⁶³.

Таким образом, приведенные автором факты не позволяют согласиться с информацией, что в русских селах буддизм и шаманизм функционируют. Есть лишь элементы культовой практики. Для этнографа существенны не столько религиозные учения и догмы, сколько бытовой уровень религии, прежде всего религиозное поведение, в том числе обусловленное различного рода суевериями. Более того, как отмечает Г.Р. Галданова, “религиозное поведение является одним из критериев религиозности”⁶⁴.

Следовательно, сложившаяся в русских селах на севере Баргузинской долины практика почитания бурятских и эвенкийских культовых мест, позволяет утверждать следующее – речь идет не о двоеверии или троеверии, а о толерантном отношении пришлых этнических групп к местным культурам коренного населения.

Примечания

¹ Болонев Ф.Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1998. С. 17.

² Хороших П.П. Тысячелетние памятники долины р. Баргузин // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 8. Улан-Удэ, 1962; Хамзина Е.А. Археологические памятники Баргузинской долины // Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. Новосибирск, 1980; Тиваненко А.В. На стыке времен и народов // Баргузинская котловина. Сборник статей. Улан-Удэ, 1993; Дашибалов Б.Б. Пояснительная записка к инвентаризации памятников археологии Курумканского района // Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры. № 60. Улан-Удэ, 1994; *Он же*. Пояснительная записка к инвентаризации памятников археологии Баргузинского района. Там же. № 61; Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987; Дамбаев Г.Э. Из прошлого и настоящего баргузинских бурят. Улан-Удэ, 1970.

³ Humphrey C. Marx Went Away, but Karl Stayed Behind. Update Edition of Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Ann Arbor, 1998.

⁴ Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русского и коренного населения Юго-восточной Сибири в XVII – середине XIX вв. Автореф. дисс. канд. историч. наук. Улан-Удэ, 1998. С. 4.

⁵ Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 3.

⁶ Бураева О.В. Указ. соч. С. 10.

⁷ Жуковская Н.Л. Мир традиционной монгольской культуры // Сер. “Российские труды по востоковедению”. Т. 11. Lewiston, etc., 2000. Р. 197.

⁸ Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ, 1956. С. 55.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 8, 13, 17.

¹¹ Евдокимова С.В. Указ. соч. С. 47–50.

¹² Липинская В.А. Русские поселения в Алтайском крае // Сов. этнография. 1965. № 6. С. 114.

¹³ Евдокимова С.В. Указ. соч. С. 50.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Бураева С.В. Православие в Баргузинской долине: хроника событий XIX века (Материалы истории) // Баргузин: страницы истории (материалы научно-практической конференции, посвященной 350-летию со дня основания города Баргузин). Улан-Удэ, 1998. С. 120.

¹⁶ Ванюшкина Л.Б. Баргузин – центр исторический // Там же. С. 3–14.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Тиваненко А.В. Указ. соч. С. 31–32.

¹⁹ Полевые материалы автора. С. Шаманка. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Полевые материалы автора: с. Шаманка. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.

²³ Там же.

²⁴ Там же. К.С. Дмитриева (в девичестве – Гагарина), 1920 г.р. С. Шаманка. Курумканский район. 2002.

²⁵ Инф. Евреева Светлана Даржаевна, 1951 г.р. С. Шаманка. Курумканский район. 2002.

²⁶ Инф. – Цыренов Аюша Арсаланович, 1928 г.р. житель с. Шаманка, из рода *борсой шоно*.

²⁷ Название села Сахули происходит от эвенкийского слова *накули*, что означает “прямая дорога”.

²⁸ Полевые материалы автора. С. Сахули. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.

²⁹ Эти сведения интересны тем, что указывают, как этническое определение сочетается с отношением к человеку: свой/чужой.

³⁰ Инф. Иванова Софья Игнатьевна. 1924 г.р. Педагог. Пенсионер. С. Сахули. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.

³¹ Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ, 1995. С. 122.

³² Отсутствие полноценных сведений по смешанным семьям в регионе не позволяет нам выявить динамику межэтнических браков в данной местности. Хотя этот вопрос может быть проработан полнее после подведения итогов Всероссийской переписи 2002 г.

³³ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. Новосибирск, 1987. С. 51.

³⁴ Полевые материалы автора. С. Шаманка. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.

- ³⁵ Жуковская Н.Л. Указ. соч. С. 199.
- ³⁶ Полевые материалы автора. С. Шаманка. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.
- ³⁷ Жуковская Н.Л. Указ. соч. С. 200.
- ³⁸ Инф. А.А. Цыренов. С. Шаманка.
- ³⁹ Инф. Евреев Александр Будаевич, 1938 г.р. из рода кузнецов *галзууд шубуун* в шестом поколении. С. Шаманка. 2002.
- ⁴⁰ Инф. Распопов Александр Афанасьевич, 1918 г.р. С. Шаманка.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Полевые материалы автора. С. Шаманка.
- ⁴⁷ В традиционных представлениях бурят *лусуд* – покровитель домашнего скота и хозяйственной деятельности.
- ⁴⁸ Полевые материалы автора. С. Шаманка.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Инф. Распопов А.А. 1918 г.р. Местный житель из с. Шаманка, ветеран войны и труда, бывший тракторист, охотник.
- ⁵¹ Материалы из личного архивного фонда Г.Э. Дамбаева, любезно предоставленные супругой исследователя Д.Ц. Тангановой. Полевые материалы автора. С. Барагхан. Курумканский район. Бурятия. 1994.
- ⁵² Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. М., 2002. С. 120.
- ⁵³ Полевые материалы автора. Пос. Майский. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.
- ⁵⁴ Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 2. Народные предания. Улан-Удэ, 1960. С. 267.
- ⁵⁵ Инф. Шарланов Дамба, 1930 г.р. из рода *шубтхэй шоно*. По словам жителей пос. Майский, именно он среди местных бурят проводит обряды жертвоприношения “духам-хозяев” местности.
- ⁵⁶ Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен до XVIII в.). Новосибирск, 1980. С. 298.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Инф. Очиров Цыбикжаб Ямпилович, 1932 г.р. из рода булагат, уроженец с. Барагхан, Курумканского района Республики Бурятия. Полевые материалы автора. 1992.
- ⁵⁹ Харитонова В.И. “Священные места” в свете проблем экологии: точка зрения современного шамана // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 131–132.
- ⁶⁰ Инф. А.Н. Машанов. 1929 г.р. С. Сахули. Курумканский район. Республика Бурятия. 2002.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Галданова Г.Р. Указ. соч. С. 136.

B. T. Gomboyev. The Worshiping of Cult Sites in the Polyethnic Context of the Northern Barguzinskaia Valley

The Baikal Region is of considerable interest for the study of ethnically mixed groups and their religious practices. Barguzinskaia Valley, in particular, is one of the localities featuring a mosaic of ethnic groups (Russians, Buryats, Evenkis, Tatars, Barguzinian Jews, etc.) and religions (Orthodox Christianity, Buddhism, Shamanism, Islam, Judaism, etc.). The author, who studied local cult practices in a number of villages of the Valley during his summer field trip in 2002, found the evidence that some of the Buryat Buddhist and Shamanist cult sites became objects of worship among the Russians living in the villages. This evidence, the author argues, suggests not a presence of dual religious preferences, but rather a tolerant attitude of the Russians toward local cult practices.